

РОССИЙСКАЯ НАУКА И ГОСУДАРСТВО В КОНЦЕ 1920-х – НАЧАЛЕ 1930-х ГОДОВ

© 2022 г. В. Г. Ананьев^{а,*}, М. Д. Бухарин^{б,**}

^аСанкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

^бИнститут всеобщей истории РАН, Москва, Россия

*E-mail: v.ananьев@spbu.ru

**E-mail: michabucha@gmail.com

Поступила в редакцию 30.03.2022 г.

После доработки 05.04.2022 г.

Принята к публикации 16.04.2022 г.

С первых лет своего существования советское государство стремилось поставить под полный контроль деятельность Российской академии наук. С этой целью предпринимались попытки выявить среди членов РАН потенциально лояльных к деятельности и идеологии большевистского режима, изменить структуру Академии наук с тем, чтобы устранить влияние потенциально несогласных, провести в академию, пусть и с нарушением устава, новых членов, которые гарантировали бы её политическую лояльность, прекратить дискуссии о её возможной самостоятельности в выборе направлений и методов научных исследований, месте академии в глобальном научном пространстве. Поиски точек взаимных интересов между академической наукой и государством сопровождались сбором конфиденциальных сведений, составлением характеристик о политической лояльности членов Академии наук и деятелей культуры, изменением её структуры без внимания к мнению членов академии, жёстким нажимом в период выборов для проведения угодных кандидатов. Ряд архивных документов из российских собраний – ЦГАИПД СПб, Архива РАН, РГАЛИ – проливает свет на историю Российской академии наук в 1920-е – начале 1930-х годов.

Ключевые слова: история СССР, история науки, Российская академия наук, наука и государство, архивы.

DOI: 10.31857/S0869587322090043

*Невозможно долго удержать свободную мысль в искусственных пределах.
Академик В.И. Вернадский*

АНАНЬЕВ Виталий Геннадьевич – доктор культурологии, доцент кафедры музейного дела и охраны памятников Института философии СПбГУ.
БУХАРИН Михаил Дмитриевич – академик РАН, главный научный сотрудник ИВИ РАН.

Многочисленные публикации последних 30 лет заметно изменили понимание развития науки в СССР в предвоенные годы, прежде всего за счёт введения в научный оборот многих новых источников. Привычная картина поиска гармонии между наукой и государством во главе с В.И. Лениным в первые годы советской власти, сконструированная советской историографией, усложнилась: отношения Академии наук и государства представляются в настоящий момент значительно более драматичными, а для некоторых периодов – даже трагичными. Интерес исследователей и широкой научной общественности к опыту проб и ошибок в этом взаимодействии подхлестнули негативные последствия реформы РАН 2013 г.

Очевидно, что советское государство и академическая наука в первые годы сосуществования

старались найти точки соприкосновения и на основе заинтересованности друг в друге преодолеть политическую и мировоззренческую отчуждённость, однако при доминировании советского государства. Для этого, с одной стороны, создавались различные институты, призванные дублировать функции Академии наук (Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук, Коммунистическая академия, Всесоюзная ассоциация работников науки и техники для содействия социалистическому строительству в СССР и др.), с другой – интенсивному давлению подвергалась сама академия. В основном это касалось её структуры, кадрового состава и способов его изменения (выборов), степени самостоятельности в определении целей и методов научных исследований, а также политической лояльности [1]. Лояльность обеспечивалась главным образом на уровне риторики, так как среди академиков, в том числе и тех, кто определял лицо новой марксистской науки, были учёные, убеждения которых ни в малейшей степени не совпадали с новыми веяниями.

О том, как решались вопросы изменения структуры академии, её кадрового состава, определялась степень её самостоятельности в 1920-е – начале 1930-х годов, свидетельствуют архивные документы, ранее не публиковавшиеся и представленные в данной работе.

Советское государство с самого начала проявляло значительный интерес к персональному составу Российской академии наук (с 1925 г. – Академии наук СССР; далее в зависимости от хронологии упоминания – РАН или АН СССР) и стремилось собрать конфиденциальную информацию о тех членах академии, на которых могло бы опереться при проведении политики советизации науки. Так, хорошо известно, что 8 марта 1921 г. по поручению В.И. Ленина управляющий делами Совнаркома Н.П. Горбунов¹ направил наркому просвещения А.В. Луначарскому² список “учёных, инженеров, литераторов и проч.”, которые вызывали интерес председателя Совнаркома и характеристики на которых должен был представить А.В. Луначарский [2, с. 257]. Уже на следующий день, 9 марта, последним были подготовлены соответствующие аттестации, а среди персоналий оказались вице-президент РАН В.А. Стеклов³,

академики А.Ф. Иоффе⁴, С.Ф. Платонов⁵, Ф.И. Щербатской⁶, А.Е. Ферсман⁷. Впрочем, запрос касался не одной Академии наук, но включал и характеристики таких деятелей искусства, как, например, А.Н. Бенуа⁸, Б.М. Кустодиев⁹ или А.А. Блок¹⁰ [2, с. 258–261].

Исторический контекст составления этого запроса был чётко обозначен в недавних исследованиях по истории науки. Весна–лето 1921 г. стали периодом обострения противостояния между научной интеллигенцией и государством, которое вылилось в многочисленные аресты, в том числе крупнейших российских учёных, в частности В.И. Вернадского¹¹. Руководство страны опасалось усиления влияния научной интеллигенции на оппозиционные настроения и стремилось предотвратить их разрастание [3, с. 475, 476].

Приблизительно в это же время в недрах Наркомпроса стал разрабатываться план по “оптимизации” структуры Академии наук. Речь шла о слиянии II (русского языка и словесности; далее – ОРЯС) и III (исторических наук и филологии) отделений академии, которое понималось членами II отделения как его уничтожение [4]. Этот процесс был завершён принятием академического устава 1927 г., в его реализации активную роль сыграли и представители I отделения (физико-математических наук) – В.А. Стеклов и А.Е. Ферсман. Уничтожение II отделения во многом было инспирировано борьбой с национальным началом и русской культурой в угоду интернационализму, поборником которого (без определённых оснований) члены отделения считали и неперемного секретаря РАН (АН СССР) С.Ф. Ольденбурга¹².

Так, 11 апреля 1924 г., когда исход борьбы за сохранение ОРЯС в структуре РАН ещё не был

⁴ Иоффе Абрам Фёдорович (1880–1960) – физик, действительный член РАН (1920), вице-президент АН СССР (1942–1945).

⁵ Платонов Сергей Фёдорович (1860–1933) – историк-руссист, действительный член РАН (1920); репрессирован.

⁶ Щербатской Фёдор Ипполитович (1866–1942) – востоковед-индолог, буддолог, действительный член РАН (1918).

⁷ Ферсман Александр Евгеньевич (1883–1945) – геохимик, минералог, академик РАН (1919), вице-президент АН СССР (1927–1929).

⁸ Бенуа Александр Николаевич (1870–1960) – художник, искусствовед, критик, музейный деятель, в эмиграции с 1926 г.

⁹ Кустодиев Борис Михайлович (1878–1927) – художник.

¹⁰ Блок Александр Александрович (1880–1921) – поэт.

¹¹ Вернадский Владимир Иванович (1863–1945) – учёный широкого профиля в области наук о земле, действительный член ИАН (1908).

¹² Ольденбург Сергей Фёдорович (1863–1934) – востоковед-индолог, историк, литературовед, археолог, искусствовед, этнограф; ординарный академик ИАН (1908); в 1904–1929 гг. – неперемный секретарь ИАН (РАН, АН СССР).

¹ Горбунов Николай Петрович (1892–1938) – химик, государственный деятель, управляющий делами Совнаркома (1920–1930), действительный член АН СССР (1930), секретарь АН СССР (1935–1938), репрессирован, расстрелян.

² Луначарский Анатолий Васильевич (1875–1933) – государственный, политический деятель, публицист, нарком просвещения (1917–1929), действительный член АН СССР (1930).

³ Стеклов Владимир Андреевич (1864–1926) – математик, действительный член ИАН (1912), вице-президент РАН, АН СССР (1919–1926).

окончательно решён, академик В.М. Истрин¹³ писал академику М.М. Богословскому¹⁴ по поводу записки в защиту II отделения: “В пересылаемой Вам записке есть и то, что выкинуто, что могло бы привести в ярость властей (патриотизм, национализм)” [5, л. 1 об.]. В самой записке Истрин указывал: «Национально-научное значение Отделения и должно быть выдвинуто при защите его существования. Гражданский долг, ответственность перед Родиной, чувство национальной гордости, одним словом, всё то, что известно под опасным в настоящее время словом “патриотизм”, заставляет громко протестовать против новой попытки нанести незаслуженную обиду русскому национальному чувству в мирной области наук» [4, с. 357, 358]. Между тем в 1920-е годы государство воспринимало развитие исследований русской литературы (преимущественно древней) и языка как консервативное, косное, не актуальное для социалистического строительства.

Академическая общественность не переставала критически оценивать сложившуюся структуру самой Академии наук и после её переустройства. 20 ноября 1928 г. В.И. Вернадский в “Записке о выборе члена-корреспондента Академии наук СССР по отделу философских наук” отмечал: “В сущности... следовало бы создать философскую академию или философское отделение Академии наук, в котором были бы представлены все главные течения философского творчества нашего времени и нашей страны” [6, л. 8]. Однако далее он выражал сильнейший скепсис относительно реалистичности такого своего предположения: “Едва ли, однако, кто-нибудь реально ставил бы вопрос о такого рода организации в нашей стране, и едва ли она привела бы к чему-нибудь научному” [6, л. 8]. В том же тексте В.И. Вернадский говорил о том, что при рассмотрении важнейших вопросов устройства научной жизни необходимым является оставаться “на интернациональной базе науки” [6, л. 9]. Эта мысль — о глобальном характере науки, лишённой региональной ограниченности, — будет высказана Вернадским и позднее, при обсуждении нового устава АН СССР в дискуссии с А.В. Луначарским (см. ниже).

Одним из дальнейших шагов по установлению тотального контроля со стороны государства над деятельностью Академии наук явилось требование предоставлять ежегодные отчёты о её деятельности в Отдел научных учреждений Совнаркома, а также согласовывать планы работ. Впервые такие требования были зафиксированы первым пунктом Устава АН СССР в 1927 г. По

этому же уставу (§ 4) Академия наук делилась на два отделения — физико-математических и гуманитарных наук. Ликвидация ОРЯС была юридически зафиксирована [7, с. 135]. (Основной массив документов комиссии Совнаркома, сформированной специально для рассмотрения академических отчётов, имел гриф “секретно”). Параллельно в периодической печати была развёрнута кампания по шельмованию академии [8, с. 580, 581], а в противовес политически оппозиционной Академии наук (хотя уровень этой оппозиционности государством сильно преувеличивался) была создана Всесоюзная ассоциация работников науки и техники для содействия социалистическому строительству (ВАРНТСО).

Не был забыт и вопрос об изменениях в персональном составе академии. Принятый в июле 1927 г. новый устав АН СССР в корне менял процедуру выборов. Корпоративная монополия на выдвижение в члены академии была отменена, право представления кандидатов получили научные, образовательные учреждения и общественные организации, не связанные непосредственно с Академией наук.

Хотя вопрос о проведении выборов в АН СССР в 1928–1929 гг. уже не раз рассматривался, в том числе и на страницах “Вестника РАН” [9–11], новые архивные материалы позволяют дополнить характеристику этого драматичного сюжета из истории отношений государства и Академии наук. Речь идёт, в частности, о сохранившихся в фонде Ленинградского обкома ВКП(б) отчётах об Экстраординарном общем собрании АН СССР 17 января 1929 г., созванном специально для “до-выборов” трёх кандидатов-коммунистов, проведённых пятью днями ранее, 12 января 1929 г. Отчёты были составлены журналистами Лерским¹⁵ и Д. Левиным и направлены в соответствующие инстанции как характеристика коллективного портрета Академии наук и её отношения к советской власти.

Вполне закономерно, что обстоятельства этого заседания, как и всего длительного и сложного процесса выборов, имевшего огромное значение для дальнейшей истории Академии наук, начали привлекать внимание учёных с того самого момента, когда с началом демократизации общественной жизни в России стало возможным объективно и открыто говорить о трагических страницах отечественной истории периода тоталитаризма [12]. Подборка соответствующих документов была опубликована в 1996 г. [13]. Однако в ней использовались материалы из фондов Архива президента РФ (бывшего — Архива Политбюро

¹³Истрин Василий Михайлович (1865–1937) — литературовед-славист, действительный член ИАН (1907).

¹⁴Богословский Михаил Михайлович (1867–1929) — историк-русист, действительный член РАН (1921).

¹⁵Возможно, Илья Александрович Весеньев-Лерский (1893–1937) — бывший в 1923–1935 гг. ленинградским корреспондентом “Известий”; в 1935 г. арестован, в 1937 г. расстрелян. См.: <https://bessmertnybarak.ru/books/person/49791/> (дата обращения 29.03.2022).

ЦК КПСС), которые, как следует из сравнения их с материалами Ленинградского обкома, представляли собой уже результат определённой правки. Текстологический анализ позволяет утверждать, что опубликованный в 1996 г. «Отчёт о выступлениях академиков на чрезвычайном собрании Академии наук СССР 17 января 1929 г.» [13, с. 130–133], направленный вместе с выпиской из протокола Общего собрания заведующим Агитпропом ЦК ВКП(б) А.И. Криницким¹⁶ в Политбюро для обсуждения 21 января, является стилистически выправленной контаминацией двух журналистских отчётов, подготовленных Лерским и Левиным, которые оказались непосредственными свидетелями происшедшего на заседании. Радикально не меняя наших представлений о заседании, эти документы дополняют опубликованный вариант записки в частности, позволяя определить её реальных авторов, более точно выстроить последовательность событий и содержание отдельных выступлений, и, что не менее важно, отличаются от введённого в научный оборот варианта стилистически. Особенно это характерно для отчёта Левина, сниженная, почти ёрническая лексика которого, используемая для описания действий ряда академиков, позволяет уловить, как городские власти (для которых отчёт и был составлен) и их клеветы смотрели на представителей академической науки и внутриакадемическую жизнь.

Отчёт Лерского¹⁷

Сегодня состоялось Экстраординарное общее заседание Академии наук. Председательствовал Карпинский¹⁸, на заседании присутствовал 41 человек из общего числа 73. Среди вновь избранных академиков были Рождественский¹⁹, Надсон²⁰, Алексеев²¹, Самойлович²², Фавор-

ский²³, Владимирцов²⁴, Петрушевский²⁵, Гулевич²⁶, Зелинский²⁷, Мензбир²⁸, Чичибабин²⁹, Виноградов³⁰, Сакулин³¹ и др. После доклада Ферсмана и Ольденбурга о финансовом положении академии и о работе её научных учреждений неприменным секретарём Ольденбургом было оглашено постановление Президиума о трёх лицах, не получивших в общем собрании формального большинства, но прошедших почти единогласно в отделении. Постановление Президиума подверглось жёсткой критике ряда академиков. Первым выступил академик И.П. Павлов³², который резко возражал против постановления Президиума, предлагавшего не объявлять соответствующих кафедр вакантными, а предложить кандидатуры Лукина³³, Фриче³⁴ и Деборина³⁵ общему собранию в новом составе Академии, не повторяя всей процедуры выборов, с чем и войти с представлением в Совнарком СССР. Академик Павлов выразил своё удивление по поводу того, зачем понадобилось Президиуму анализировать факт расхождения результатов выборов в отделении и в Общем собрании. Выборы происходили на основании устава, всё было формально правильно, если трое оказались неизбранными, то на этом дело и кончается. Однако если Президиум позволил себе войти в анализ событий, сказал академик Павлов, то разрешите и мне также войти в анализ, но сделать это глубже. Прежде всего надо отметить, что выборы происходили в исключительной обстановке. Было представлено свыше 200 заявок и притом сравнительно совсем незадолго до начала выборов. Часть кандидатов были выдвинуты правительством. Ни о каких кандидатах, пред-

¹⁶Криницкий Александр Иванович (1894–1937) – советский государственный и политический деятель, заведующий Отделом агитации, пропаганды и печати ЦК ВКП(б) в 1927–1929 гг., репрессирован, расстрелян.

¹⁷Материалы публикуются в соответствии с современными правилами орфографии. Все очевидные опечатки и ошибки (включая те, что содержатся в написании имён собственных) исправляются и не оговариваются. Машинописное выделение фамилий унифицировано заглавными буквами. Интерполяции чернилами оговариваются в примечаниях. Очевидные сокращения раскрываются.

¹⁸Карпинский Александр Петрович (1847–1936) – геолог, палеонтолог, действительный член (1896), президент РАН, АН СССР в 1917–1936 гг.

¹⁹Рождественский Дмитрий Сергеевич (1876–1940) – физик, оптик, действительный член АН СССР (1929).

²⁰Надсон Георгий Адамович (1867–1939) – ботаник, микробиолог, действительный член АН СССР (1929), репрессирован, расстрелян.

²¹Алексеев Василий Михайлович (1881–1951) – литературовед-синолог, действительный член АН СССР (1929).

²²Самойлович Александр Николаевич (1880–1938) – востоковед-тюрколог, действительный член АН СССР (1929), репрессирован, расстрелян.

²³Фаворский Алексей Евграфович (1860–1945) – химик-органик, действительный член АН СССР (1929).

²⁴Владимирцов Борис Яковлевич (1884–1931) – востоковед-монголовед, действительный член АН СССР (1929).

²⁵Петрушевский Дмитрий Моисеевич (1863–1942) – историк-медиевист, действительный член АН СССР (1929).

²⁶Гулевич Владимир Сергеевич (1867–1933) – биохимик, действительный член АН СССР (1929).

²⁷Зелинский Николай Дмитриевич (1861–1953) – химик-органик, действительный член АН СССР (1929).

²⁸Мензбир Михаил Александрович (1855–1935) – зоолог, зоогеограф, действительный член АН СССР (1929).

²⁹Чичибабин Алексей Евгеньевич (1871–1945) – химик, действительный член АН СССР (1929), с 1930 г. в эмиграции.

³⁰Виноградов Иван Матвеевич (1891–1983) – математик, действительный член АН СССР (1929).

³¹Сакулин Павел Никитич (1868–1930) – литературовед-русист, методолог, действительный член АН СССР (1929).

³²Павлов Иван Петрович (1849–1936) – физиолог, действительный член ИАН (1907), лауреат Нобелевской премии по физиологии или медицине (1904).

³³Лукин Николай Михайлович (1885–1940) – историк-новист, действительный член АН СССР (1929), репрессирован, умер в заключении.

³⁴Фриче Владимир Максимович (1870–1929) – искусствовед, литературовед, действительный член АН СССР (1929).

³⁵Деборин Абрам Моисеевич (1881–1963) – философ, действительный член АН СССР (1929), член Президиума АН СССР (1935–1945).

ставленных будто бы общественностью, не может быть и речи. Независимой общественности у нас нет вообще. Независимая общественность это значит контрреволюция. Что же происходило дальше? <На> первой стадии выборов решение выносится открыто в присутствии агентов правительства. На заседаниях присутствовали лица, не имевшие учёного ценза. Да, верно, мы имеем твёрдое правительство, которое, если захочет, твёрдо поставит на своём. В результате такой системы выборов могло иметь место только три отношения ко всей этой процедуре. 1. Чего изволите. 2. Против и 3. «законное», «разумное» оппортунистическое отношение». Вы ведь знаете из доклада Ферсмана, что финансовое положение не из лёгких и надо всячески устраиваться.

То, что произошло в первой стадии выборов, на заседании комиссии нельзя принять всерьёз. Это не было свободным выражением мнения. Мы были под давлением Президиума. Президиум настаивал, даже угрожал 22-й статьёй³⁶, и всё это, конечно, не могло не подействовать и подействовало на многих. Приходит время выборов, сперва в отделении, а потом в Общем собрании. Однако дело велось в столь быстром темпе, что к отделению нельзя было бы подготовить продуманных отзывов о таком большом количестве кандидатов — 42. Но всё же выборы в отделении прошли. Остаётся ещё Общее собрание. Перед Общим собранием был большой перерыв, и нет удивительного в том, что человек, который, может быть, и положил белый шар в отделении, потом мог изменить своё мнение, да и совесть заговорила. Результаты получились иные. Конечно, надо считать истинными выборы вторые, а не первые. Я протестую против постановления Президиума.

АКАДЕМИК ЛЕВИНСОН-ЛЕССИНГ³⁷: я позволю себе задать один вопрос. То, что предлагает Президиум, идёт вразрез с уставом. Почему нельзя оставить эти кафедры вакантными и выбирать этих трёх лиц вместе с остальными тремя свободными кафедрами? Предложение Президиума не согласно с уставом, оно незаконно.

ПЕТРУШЕВСКИЙ: решение Президиума совершенно необычный факт. В чём дело? Не произошло ничего чрезвычайного, а Президиум требует отмены устава. Требует чрезвычайных мер. Вы понимаете, что это опасный прецедент. Может получиться такое положение, что никакие уставы больше 2—3 месяцев не будут существовать. Вновь избранные академики поставлены перед совершившимся фактом. Зачем эти экстраординарные меры? Нужно изыскать другие фор-

мы. Надо поступить именно по уставу, правда, это сложно, но что делать. Надо проделать то, что предписано законом. Использовать устав.

Между Карпинским и Грушевским³⁸ разгорается полемика. Карпинский говорит о несовершенстве устава. Петрушевский говорит, что он тоже не поклонник нового устава, но не имеет основания менять его именно по тем соображениям, какие выдвигает Президиум.

БОРОДИН³⁹: ко мне вчера обратился корреспондент “Известий [...]”⁴⁰ с просьбой высказать своё мнение о забаллотировании трёх. Я не счёл себя вправе уклониться от беседы для печати и совершенно искренно сказал, что я думаю. Да ничего ужасного, ничего странного не произошло. Я вовсе не был поражён тем, что трое не получили формального большинства. Процент избранных сравнительно мал. Случай не давал оснований для протеста. В данном случае больше всего поразила быстрота реакции Президиума. Чего спешил Президиум? Спешить было незачем, времени было совершенно достаточно.

В дальнейшем выясняется, что академик Бородин не вполне уяснил постановление Президиума, поняв его в том смысле, что Академия наук в целом поставлена уже перед совершившимся фактом, что будто бы Президиум обратился уже в Совнарком с представлением о трёх кандидатах и т.д.

Ольденбург разъясняет сущность того, что происходит на данном заседании, а именно, что общее собрание должно обсудить решение президиума, принять его или отклонить.

ПЛАТОНОВ в своём выступлении останавливается на нападках И.П. Павлова по адресу тех, кто принимал участие в работах комиссии. Работа была трудная, говорит Платонов, работало нас мало. Работали мы исключительно в сложной обстановке. К сожалению, академик Павлов был далёк от этих работ, он судит о них только по слухам. Я считаю себя обязанным поддержать Президиум в его решении.

АРХАНГЕЛЬСКИЙ⁴¹ говорит о том, что новый устав оказался не соответствующим тем целям, ради которых он был введён. Нужно принять меры к тому, чтобы устав был пересмотрен.

ЧИЧИБАБИН предлагает вернуть кандидатуры трёх вновь на рассмотрение отделения, и если бы отделение подтвердило своё первоначальное мнение, то представить их на Общее собрание.

³⁸Так в тексте. Вероятно, должно быть: Петрушевским.

³⁹Бородин Иван Парфеньевич (1847—1930) — ботаник, ординарный академик ИАН (1902).

⁴⁰Вставка чернилами, неразборчиво. Вероятно, ЦИК. См. ниже в тексте Левина.

⁴¹Архангельский Андрей Дмитриевич (1879—1940) — геолог, действительный член АН СССР (1925).

³⁶О лишении звания вследствие деятельности члена Академии наук СССР, которая направлена “явным образом во вред Союзу СССР” [7, с. 138].

³⁷Левинсон-Лессинг Франц Юльевич (1861—1939) — петрограф, действительный член АН СССР (1925).

ЛЯПУНОВ⁴² вступает от имени Отделения гуманитарных наук за честь отделения. Он говорит, что гуманитарии не могут ручаться за другое отделение, намекая на то, что они, дескать, оставались верными первоначальным отзывам, тем более что на Общее собрание кое-кто из них не явился вследствие болезни. Ляпунов сослался на случай с Любавским⁴³, который в отделении прошёл единогласно, а на Общем собрании получил 5 черняков.

УСПЕНСКИЙ⁴⁴ поставил вопрос таким образом: желает ли гуманитария действительно видеть этих трёх в составе членов Академии наук или же они переменили своё мнение.

Надо отметить, что в прениях были выступления почти исключительно против постановления Президиума. Сторонники Президиума в прениях себя проявили пассивно.

Карпинский охарактеризовал положение Президиума как весьма незавидное. «Наше положение хуже каторжного», сказал он.

Павлов, полемизируя с Ольденбургом, назвал последнего с иронией «наш товарищ неременный секретарь».

Голосование было такое. За предложение президиума — 28, против — 9, воздержавшихся — 4. Голосовали против: Павлов, Левинсон-Лессинг, Бородин, Сакулин и др. Среди воздержавшихся Лазарев⁴⁵, Виноградов. После голосования Павлов и Левинсон-Лессинг поднялись и демонстративно покинули собрание.

Отчёт Левина

Прежде всего о самой обстановке Общего собрания Академии наук. Чувствовалось что-то напряжённое. Доклады Ферсмана и Ольденбурга по первым двум вопросам повестки (о материальной стороне дела Академии и издательской) проходили мимо внимания собравшихся. Пришли не из-за этих вопросов и не в них интерес... Особая напряжённость создавалась, когда перешли к обсуждению последнего пункта. Первым взял слово академик И.П. Павлов. Всё собрание насторожилось, все понимали, что это выступление принесёт что-то необычайное. Прежде всего он поразился, к чему Президиуму и «товарищу неременному секретарю» потребовалось кроме

констатирования самого факта (забаллотировки трёх кандидатов) заняться анализом причин, приведших к такому результату, причём анализом в высшей степени поверхностным, лёгким. Разрешите же и мне встать на этот путь, сказал Павлов, и дать более глубокий анализ и постараться вскрыть социальную сторону этого дела. Прежде всего он констатировал, что «выборы происходили на этот раз в совершенно исключительной обстановке по трём причинам: массовость кандидатов, чрезвычайная краткость срока и, главным образом, то, что часть кандидатов были кандидаты правительственных организаций». Мне могут сказать, что, позвольте, это же кандидаты, выставленные общественностью, но я должен сказать, что в наших условиях общественность — это правительство, так как другую общественность, независимую общественность, принято называть контрреволюцией. Кроме того, было ещё одно обстоятельство, влиявшее на общую обстановку выборов, это то, что тут присутствовали агенты правительства (в зале чувствуется некоторое смущение от сказанных слов, и Павлов считает нужным пояснить свои слова), ну да, агенты правительства, так как как же их иначе назвать, когда никому они из нас как научные величины не известны, их учёный ценз никому не известен, так что, конечно, это агенты правительства. И вот, несмотря на то что имела место такая исключительная обстановка (когда академики, с одной стороны, были связаны свободой своей совести, а с другой — присутствием агентов правительства), несмотря на это, всё же выборы прошли более или менее нормально и тот факт, что три кандидатуры не получили 2/3, является тоже явлением вполне нормальным, не представляющим ничего необычайного, исключительного, чрезвычайного.

И.П. Павлов считает необычайным поведение Президиума, вынесшего это постановление. Дальше, анализируя, Павлов говорит: «Но, так как правительство у нас твёрдое (и это хорошо!), то оно умеет достигать своей цели, и вот в результате этот вопрос опять поставлен перед нами».

«У академиков может быть к этому постановлению три отношения: первое — это рабское, лакейское «чего изволите», второе — «благоразумное», так называемое оппортунистическое. Это такое положение, положение чисто психологического порядка, когда борются два начала. С одной стороны, соображение чисто научного характера, что кандидатуры не подходят, а с другой — соображение, связанное с тем, что де-мол разладятся отношения с правительством, а тут, мол, у Академии большие материальные нужды, о которых вам говорил в своём докладе Александр Евгеньевич Ферсман и что, мол, лучше сделать «им» уступку и выбрать этих трёх кандидатов. И, наконец, последнее, третье — отношение чистого учёного, ни с кем и ни с чем не считающегося».

⁴²Ляпунов Борис Михайлович (1862–1943) — филолог-славист, языковед, действительный член РАН (1923).

⁴³Любавский Матвей Кузьмич (1860–1936) — историк-руссист, действительный член АН СССР (1929), репрессирован [14, с. 184–195].

⁴⁴Успенский Яков Викторович (1883–1947) — математик, действительный член РАН (1921).

⁴⁵Лазарев Пётр Петрович (1878–1942) — физик, биофизик, действительный член ИАН (1917), репрессирован в 1931–1932 гг.

Возвращаясь к исключительности обстановки, в которой протекали выборы, Павлов говорит, что на академиков влияло и то, что помимо давления печати, которая очень в это дело впуталась и оказывала сильное влияние, имели место и разные слухи о круговой поруке (о том, что если кого-нибудь из выставленных кандидатов забаллотировать, то все должны будут снять свои кандидатуры), и нам угрожали применением 22-й статьи — всё это действовало. И здесь хотят дело свести к тому, что, мол, гуманитарное отделение в свое время голосовало почти единогласно и что, значит, чёрные шары положили представители точных наук, а что, де-мол, если на Общем собрании некоторые гуманитары изменили своё мнение, что это якобы рисует их как недостаточно солидных людей⁴⁶.

“Ну, тут я могу сказать следующее, что до сих пор нам приходилось выбирать 1–2, а здесь пришлось выбирать чуть ли не 40 человек”. Обычно, когда мне приходится о своих коллегам, о людях той же специальности, что и я, с работами которых я достаточно знаком, писать то, что я уже помню: некролог, скажем, или биографию, то в этом случае я всё же обкладываю себя большим количеством литературы специальной, вновь знакомлюсь с ней, а здесь, представьте себе, срок самый жёсткий дан, кандидатов больше 200, из них многие совершенно не известны, так что, конечно, при таких обстоятельствах и получилась та картина, что на отделении эти кандидаты могли пройти единогласно, в Общем собрании, по мере ознакомления за истекшие несколько недель, мнения могли измениться, шансы кандидатов меняться и т.д. И, наконец, ещё одно, не последнее, по мнению Павлова, обстоятельство — это СОВЕСТЬ. “Это опасение, что сделаешь против совести, так она потом тебя заест. Сделать плохое легко, но потом покоя не найдёшь”, и Павлов заканчивает своё выступление протестом против вынесенного постановления Общего собрания.

ЛЕВИНСОН-ЛЕССИНГ всё дело сводит на почву чисто юридическую (см. у Лерского).

Академик БОРОДИН начал с того, что к нему вчера обратился корреспондент “Известий ЦИК” с вопросом о его отношении к той “неувязке”, о которой говорит постановление Президиума. «Я не счёл себя вправе отвертеться молчанием, и я ему так прямо и сказал, что никакой “неувязки” я здесь не вижу, ничего необычного не произошло и ничто меня здесь не поразило, но что я больше всего был поражён столь быстрым протестом Президиума, чем вполне законным решением Общего собрания. Я считаю столь поспешное, недостаточно обдуманное решение Президиума

неправильным. Я думаю, что само правительство будет находиться в крайнем затруднении благодаря этому постановлению, ведь оно же только что само утвердило устав, а теперь сама Академия требует его изменения. Я не знаю, почему у Президиума получилась такая реакция, но считаю, что наш Президиум слишком впечатлителен.

Академик ПРЯНИШНИКОВ⁴⁷ задаёт вопрос Президиуму, что он не совсем понимает, как же, собственно, ставится вопрос. Из прений он вынес три момента: первое — не утверждать постановление Президиума и оставить всё в фактическом состоянии, второе — изменить устав академии в сторону дальнейшего признания права избрания не 2/3, а простым большинством, и таким путём можно было бы считать эти три кандидатуры прошедшими (в зале движение) и, наконец, третье — право выборов предоставить не Общему собранию, а отделению, как наиболее компетентному органу.

ОЛЬДЕНБУРГ объясняет, что вопрос не ставится так, как говорит академик Прянишников, а ставится так, как говорит об этом постановление Президиума.

Из других выступавших следует быть отмеченным выступление академика Платонова. Несмотря на то, что все “прелести” академика Платонова достаточно известны, но всё же он оказался единственным (ещё, пожалуй, и академик Успенский, ставивший вопрос о предоставлении права избрания отделению), противопоставившим свою точку зрения как точку зрения представителя Отделения гуманитарных наук точке зрения Павлова. Выступление академика Платонова восстановило нарушенное Павловым равновесие. Он заявил, что факт провала этих кандидатов, прошедших почти единогласно, конечно, необычен. Что он смеет думать, что Отделение гуманитарных наук стоит на непоколебленных позициях и сейчас и что он объясняет выступление академика Павлова тем, что последний в связи с своей продолжительной болезнью не мог присутствовать и лично участвовать во всей той большой работе, которую проделали и каждый в отдельности, и отделения, и Общее собрание в целом, а принуждён был питаться слухами и разговорами, благодаря чему выступление академика Павлова носило характер выступления постороннего человека.

Платонов от имени отделения (он заявил, что он смеет рассчитывать, что он разделяет общую точку зрения своих коллег) заявляет о том, что он с полным сознанием и ответственностью поставил свою подпись под постановлением президиума.

⁴⁶Здесь и далее в документе жирным шрифтом выделено приписанное чернилами.

⁴⁷Прянишников Дмитрий Николаевич (1865–1948) — агрохимик, биохимик, действительный член АН СССР (1929).

Все выступления мною не записаны (см. у Лерского). **Дальше** голосование. Здесь мне хочется обратить внимание только на вновь избранного *Сакулина*⁴⁸. Иначе характеризовать его поведение как поведение *мерзкое*⁴⁹ нельзя. Сидит с гуманитарями. Такие зубры, как Карский⁵⁰, Платонов голосуют “за”. Сакулин не голосует. Когда же Ольденбург начал подсчитывать голоса “против” и дошёл до Сакулина, то **последний** сидел с поднятой “против” рукой. Тут даже Ольденбург не выдержал и во всеулышание спросил Сакулина: “И вы против?”. Рука остаётся поднятой. “И Вы голосуете против?”, вторично спрашивает Ольденбург. Все взоры обращаются в сторону Сакулина и Ольденбурга, и Сакулин блудливо тянет руку к голове и чешет в голове и озирается по сторонам как побитая собака.

После оглашения итогов голосования Павлов (а за ним петушком-петушком и Левинсон-Лесинг) поднялся и демонстративно покинул собрание.

Академик Тарле⁵¹ тоже вёл себя за это время достаточно блудливо, и, хотя он и голосовал “за”, но всё же **он** следует **быть замеченным** (см. Лерского относительно беседы с ним).

[15, л. 359–367. Машинопись с рукописной правкой]

Упомянутая в конце отчёта беседа журналиста Лерского с историком-новистом Тарле в изложении интервьюера носила следующий характер:

Академик Тарле категорически отказался беседовать для печати о результатах выборов, несмотря на то что его подпись стоит в числе других под заявлением Президиума. На моё предложение ограничиться сообщением, что, кроме опубликованного в постановлении Президиума академии, в дополнение ему нечего сообщить, академик Тарле отказался дать разрешение и на такую формулировку. Когда же я поставил вопрос о том, чтобы напечатать о самом отказе беседовать на эту тему, академик Тарле и этому категорически воспротивился. Указания на то, что другие академики дали свои заявления в печать, не помогло. Академик Тарле просил всячески замать его отказ в даче беседы и **просил передать в редакции, что его не было в городе.**

[16, л. 373. Машинопись с рукописной правкой]

К 1930 г. Академия наук пережила практически полную советизацию. Была изменена система выборов, и сами выборы и вся деятельность АН

⁴⁸Подчёркнуто чернилами.

⁴⁹Машинописное подчёркивание.

⁵⁰Карский Евфимий Фёдорович (1861–1931) – литературовед-славист, этнограф, действительный член ИАН (1916).

⁵¹Тарле Евгений Викторович (1874–1955) – историк-новист, действительный член АН СССР (1927), в 1930–1937 гг. репрессирован.

СССР были поставлены под жёсткий контроль государства. Из научной жизни (а часто не только из научной) изгонялись все нелояльные или подпадавшие под подозрения в нелояльности. Полностью сменилась риторика первых лиц советской науки. Характерны в этом отношении короткие тексты, сохранившиеся в фонде журналиста С.М. Шпицера (1885–?) и обозначенные в материалах Российского государственного архива литературы и искусства как “Мнение Вавилова Николая Ивановича и Луначарского Анатолия Васильевича о выборе академиков”. Показательны не только их чеканные фразы об “армии научных работников”, которые устраивают “жизнь на новых социалистических началах”. Показательно и то, что среди приоритетных кандидатов на избрание в феврале 1930 г. ботаник Н.И. Вавилов⁵² называет, например, революционера Н.А. Морозова⁵³, “исследования” которого легли в основу ряда трудов современных горе-историков от математики и негативно оценивались уже многими современниками⁵⁴. С другой стороны, слова А.В. Луначарского об Академии наук звучат в настоящий момент почти пророчески: “Ей необходимо решительно и чётко найти не только своё совершенно определённое лицо, но определённые, разумеется, пути, по которым авторитет и слава старой академии были бы переключены на рельсы новой жизни”.

Записка Н.И. Вавилова о выборах академиков от 19 января 1930 г.

Академия наук не остров среди огромного океана, а неразрывное целое со страной, устраивающей жизнь на новых социалистических началах. Академия наук должна идти в ногу со страной, которая заново строит жизнь. Академия не должна плестись в хвосте жизни, но должна занимать передовые позиции в армии исследователей, в армии научных работников, которые ныне призваны к делу строительства социалистической страны.

⁵²Вавилов Николай Иванович (1887–1943) – генетик, ботаник, действительный член АН СССР (1929), репрессирован, погиб в заключении.

⁵³Морозов Николай Александрович (1854–1946) – революционер, литератор, популяризатор науки, почётный член АН СССР (1932).

⁵⁴Например, А.В. Луначарский писал В.И. Ленину в 1921 г. о новой книге Морозова: “Я очень люблю и уважаю Морозова, но книга эта до того курьёзная, что издание её несомненно принесёт известный ущерб имени автора и Государственному издательству. Если серьёзная наука с большим сомнением отнеслась к выкладке Морозова относительно Апокалипсиса, то книга “Христос” является уж окончательным абсурдом на почве той же научной односторонности” [3, с. 271, 272]. А академик Д.М. Петрушевский писал академику С.А. Жебелёву 20 декабря 1931 г.: “Неужели Морозова серьёзно хотят посадить в академическое кресло, а не в психиатрическую лечебницу?” [16, л. 10].

Мы считаем бесспорными кандидатуры следующих научных деятелей, работы которых перво-степенного значения известны нам, и в то же время авторы которых известны своей большой общественной работой: Анатолия Васильевича Луначарского, Николая Михайловича Книповича⁵⁵, Николая Александровича Морозова, Бориса Александровича Келлера⁵⁶ и В.П. Волгина⁵⁷.

Академик Н.И. Вавилов (подпись)

[17, л. 1. Автограф, машинопись с правкой; подпись от руки]

Записка А.В. Луначарского о выборах академиков (не позднее 25 января 1930 г.)

Нелегко высказаться о выборах в Академию наук СССР, в данный момент легче всей коллегии произвести сами выборы, чем иметь решимость одному высказать по делу мнение, которое могло бы в какой-либо степени отвечать потребностям, настроению и интересам общественности. Сейчас вопрос не о старой академии, а о новой, во всяком случае, обновлённой. И ей необходимо решительно и чётко найти не только своё совершенно определённое лицо, но определённые, разумеется, пути, по которым авторитет и слава старой академии были бы переключены на рельсы новой жизни. Теперешние выборы должны учесть этот этап — чрезвычайно ответственный для науки, для общественности, а, главное, для происходящей уже с величайшим напряжением работы <...>⁵⁸.

А.В. Луначарский (подпись)

[17, л. 2–4].

Показателен диалог по вопросам об отношениях академии наук (как таковой, не только АН СССР) и государства, о задачах академической науки, развернувшийся между академиком-учёным В.И. Вернадским и академиком-администратором А.В. Луначарским вскоре после того, как в феврале 1930 г. Вернадский представил записку в Организационную комиссию АН СССР о подготовке нового Устава Академии наук СССР.

В.И. Вернадский констатировал: “Правильно образованная академия наук должна во всяком государстве <...> занимать особое место по сравнению с другими государственными учреждениями. Она, во-первых, составляет неизбежную часть того мирового научного интернационала,

свободно открытого для всех научно мыслящих людей, который медленно, но неуклонно вырабатывался в XX веке. <...> Наряду с таким особым положением Академии наук самый характер научной работы <...> требует особых условий, без соблюдения которых Академия наук не даст того, что она способна дать” [18, л. 1]. По мнению учёного, “государственная власть, если она, считаясь с обстоятельствами, хочет создать — или сохранить — Академию наук не по имени только, но и по существу — ограничена по отношению к ней законодательством, независимым от неё условием существования Академии наук. <...> социалистическая власть Союза вынуждена в данный момент иметь в среде Союза мощный центр научной работы типа Академии — то и она не имеет развязанных свободных рук в решении вопроса об её устройстве” [18, л. 1]. Сообразно с этим в основу работы Академии наук должны были быть положены три базовых принципа: автономия научно-исследовательской работы, мощная исследовательская организация и равное с другими положение в мировой научной организации [18, л. 2]. По мысли Вернадского, хотя в то время предпосылок для возникновения этих идеальных условий ещё нет, формирование именно такой среды в будущем является неизбежным [18, л. 2].

Совершенно иначе смотрел на место и роль академии наук в структуре государства избранный в академики за несколько недель до составления записки В.И. Вернадского А.В. Луначарский. В его архивном фонде сохранился черновик ответа на записку, составленный в формате “коллективного письма” [19, л. 1–15]. В нём говорилось: “Познакомившись ближе с запиской и подробнее разобравшись с ней, мы считаем своим долгом самым решительным образом отмежеваться от тех принципов, которые положены в её основу” [19, л. 2]. В частности, возражения вызывал тезис Вернадского о принадлежности АН СССР “интернационалу науки”. В ответе вместо этого утверждалось: “Мы же констатируем, что такого интернационала вообще не существует, а если бы он и существовал, то надо было бы ещё определить его подлинную физиономию.

Мы констатируем, что Академия наук принадлежит прежде всего <...> именно к системе СССР, а, стало быть, и к тому международному движению, в котором наша страна занимает своё определённое место” [19, л. 3–4]. Так бывший нарком просвещения академик Луначарский обозначил место АН СССР: не в глобальной научной семье, а в обособленном миреке политически себе подобных, то есть в изоляции.

Столь же полярными были и подходы двух академиков к проблеме отношения свободы науки как института и государства: “Если же Вернадский, не отрицая принадлежность АН к мнимому

⁵⁵Книпович Николай Михайлович (1862–1939) — зоолог, гидробиолог, член-корреспондент АН СССР (1927), почётный член АН СССР (1935).

⁵⁶Келлер Борис Александрович (1874–1945) — биолог, почвовед, действительный член АН СССР (1931).

⁵⁷Волгин Вячеслав Петрович (1879–1962) — историк социалистической мысли, действительный член АН СССР (1930), вице-президент АН СССР (1942–1953).

⁵⁸В заключение приводится краткая характеристика системы выборов, опускаемая в данной публикации.

интернационалу учёных, делает вывод, что советское государство не вольно политически определять характер структуры и деятельности АН, то мы, наоборот, полагаем, что и в структуре, и в деятельности своей АН должна целиком определяться потребностями важного строительства, происходящего в СССР под руководством советской власти. Из своего неправильного представления Вернадский делает вывод о необходимости автономии АН по отношению к нашей государственности и общественности.

Это положение, с нашей точки зрения, является политически чудовищным, и мы недоумеваем, как может он, Вернадский, не понимать, что, поставив себя вне рамок советской государственности и общественности, АН <подписывает> себе смертный приговор” [19, л. 4–6].

Не соглашался А.В. Луначарский и с тезисом В.И. Вернадского о необходимости поддержания “тесных связей с зарубежным миром, который <...> стал, очевидно, враждебен нашему государству” [19, л. 6].

Так постепенно посредством изменения структуры Академии наук, её кадрового состава и степени её самостоятельности в решении как научных, так и управленческих вопросов государство меняло сам модус институционального измерения академической науки, встраивая её в укрепляющуюся машину тоталитарной власти. Стремительные изменения в положении АН СССР в структуре советского государства потребовали принятия нового устава, который был введён в действие 3 мая 1930 г. Академия наук сохранила статус высшего научного учреждения страны, но была переведена в подчинение Комитета по заведыванию учёными и учебными учреждениями СССР (§ 1). Была изменена цель научной деятельности Академии наук, в основу которой должно было быть положено марксистское учение, задачи, сводившиеся в главном к участию в социалистическом строительстве, соответственно, иные характеристики стали приоритетными и при определении кандидатов на замещение вакантных должностей академиков. С другой стороны, расширились и прямые обязанности АН СССР, к которым добавилась координация работы с другими научно-исследовательскими учреждениями, работа с молодыми учёными в созданной в 1930 г. аспирантуре АН СССР, был расширен круг участников Общего собрания Академии наук, куда вошли не только действительные члены, но и члены-корреспонденты и руководители научных учреждений, не являвшиеся членами академии. Академия сохранила структуру из двух отделений — математических и естественных наук и общественных наук, которые, в свою очередь, делились на группы (в настоящий момент — секции), которые дробились далее на кафедры [7,

с. 147–151]. На персональном уровне полное подчинение АН СССР государственной власти в скором времени откликнулось репрессиями против многих крупных учёных и рядовых сотрудников академических институтов, на системном уровне — разрушением науки как сложной многокомпонентной структуры, одни составляющие которой искусственно раздувались, а другие, наоборот, подавлялись.

Дальнейшая история в большой мере подтвердила верность взглядов В.И. Вернадского на место Академии наук СССР: уже к середине XX в. АН СССР стала мощнейшим исследовательским центром, руководившим научной сферой в стране. Академия наук в сравнении с другими творческими или профессиональными организациями обладала определённой автономией, а некоторые академики позволяли себе открыто спорить с властями по наиболее актуальным вопросам повестки дня. Несмотря на жёсткий контроль со стороны властей за внешними контактами, АН СССР вела активное международное сотрудничество, играя заметную роль в международной научной жизни. Эти вопросы в числе прочих ждут своего разрешения и в настоящий момент.

ЛИТЕРАТУРА

1. Tolz V. Russian Academicians and the Revolution. Combining Professionalism and Politics. New York: Palgrave Macmillan, 1997.
2. Литературное наследство. Т. 80: В.И. Ленин и А.В. Луначарский: Переписка, доклады, документы. М.: Наука, 1971.
3. Вернадский В.И. Из дневников 1921 года / Публ. М.Ю. Сорокиной // Звенья. Исторический альманах. М.: Прогресс, Atheneum, Феникс, 1991. Вып. 1. С. 475–487.
4. Бухарин М.Д. “Главный враг II отделения”: С.Ф. Ольденбург и академическая славистика в первой половине 1920-х годов // Scripta antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. М.: Собрание, 2022. Вып. X. С. 348–378.
5. Архив РАН. Ф. 636. Оп. 4. Д. 10.
6. Архив РАН. Ф. 518. Оп. 1. Д. 314.
7. Уставы Академии наук СССР. М.: Наука, 1999.
8. Покровский М.Н. К отчёту о деятельности академии наук за 1926 г. / Публ. М. Юрьевой и Д. Рейзлина // Звенья. Исторический альманах. М.; СПб.: Феникс, Atheneum, 1992. Вып. 2. С. 580–599.
9. Брачев В.С. Укрощение строптивой, или Как АН СССР учили послушанию // Вестник АН СССР. 1990. № 4. С. 120–127.
10. Горяинов А.Н. “Ленинградская правда” — коллективный организатор “великого перелома” в Акаде-

- мии наук // Вестник АН СССР. 1991. № 8. С. 107–114.
11. *Ананьев В.Г., Бухарин М.Д.* Академическая наука и власть на выборах в АН СССР 1928–1929 гг. // Вестник РАН. 2021. № 4. С. 371–377.
  12. *Перченко Ф.Ф.* “Дело Академии наук” и “великий перелом” в советской науке // Трагические судьбы: репрессированные учёные Академии наук СССР. М.: Наука, 1995. С. 201–235.
  13. “Наше положение хуже каторжного”. Первые выборы в Академию наук СССР // Источник. 1996. № 3. С. 109–140.
  14. *Андреева Е.В.* Выборы в АН СССР в 1928–1929 гг. и М.К. Любавский // Петербургские исследования. 2016. № 6. С. 184–195.
  15. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. Р-24. Оп. 16. Д. 6.
  16. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 93.
  17. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 1297. Оп. 1. Д. 15.
  18. Архив РАН. Ф. 518. Оп. 1. Д. 318.
  19. РГАЛИ. Ф. 279. Оп. 2. Д. 55а.